Розамунда Пилчер

НАЧАТЬ СНАЧАЛА

От автора романа «Собиратели ракушек», включенного в топ-50 лучших книг по версии BBC

АЗБУКА

The Big Book

Розамунда Пилчер

Начать сначала

«Азбука-Аттикус»

1969

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Начать сначала / Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус», 1969 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-22068-3

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо» – и в данном случае это залог устойчивого читательского успеха. В романе «Начать сначала», как и во многих книгах Пилчер, основное действие разворачивается в прекрасном, суровом, ветреном Корнуолле. Эмма мечтает провести там несколько недель вместе с отцом, посвятившим себя искусству. Она, как никто другой, нуждается в близких людях, но ей многое придется пережить, чтобы понять важную вещь: иногда отпустить того, кого любишь, – это первый шаг к сохранению любви…

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-22068-3

© Пилчер Р., 1969
© Азбука-Аттикус, 1969

Содержание

1 6
2 12
3 20
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Розамунда Пилчер
Начать сначала

Rosamunde Pilcher
ANOTHER VIEW
Copyright © 1969 by Rosamunde Pilcher
This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency
All rights reserved
© И. П. Архангельская (наследник), перевод, 2003
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство АЗБУКА®

1

В февральском Париже ярко светило солнце. В аэропорту Ле-Бурже оно холодно сияло с льдисто-голубого неба, поблескивая на взлетно-посадочных полосах, все еще мокрых после ночного дождя. День манил выйти на воздух, и они соблазнились и вышли на террасу, однако тут же убедились, что настоящего тепла от солнца нет, а веселый ветерок держит ветровые конусы под прямым углом и сечет, словно острием ножа. Они сдались, пошли в ресторан подождать, когда объявят рейс Эммы, и теперь сидели за столиком, попивая черный кофе и куря сигареты Кристофера.

Увлеченные разговором, они не обращали внимания ни на кого вокруг, но сами, однако, привлекали внимание. И не могли не привлечь. Яркая парочка. Эмма, высокая, черноволосая. Зачесанные со лба и схваченные черепаховым обручем волосы густой гривой спускались ниже лопаток. Красивой ее вряд ли можно было назвать – слишком резкой лепки лицо, с высокими скулами, прямой нос и волевой подбородок, – но неожиданно большие серо-голубые глаза и большой рот, уголки которого опускались, когда она не могла настоять на своем, и растягивались в улыбке от уха до уха, как у мальчишки, когда была счастлива, придавали ей какое-то особое очарование. Сейчас она была счастлива. В этот холодный сияющий день на ней были ярко-зеленые брюки и белый свитер с высоким воротом, отчего ее лицо выглядело очень смуглым, однако ее необычная внешность никак не сочеталась с огромным количеством багажа, который ее окружал. Казалось, что это груда вещей, спасенных от какого-то стихийного бедствия.

На самом же деле, это было имущество, скопившееся за шесть лет жизни за границей, – но кому это было известно? Три чемодана уже были сданы в багаж, причем их регистрация обошлась в немалую сумму, но при ней еще остались парусиновая дорожная сумка, бумажная сумка из супермаркета, откуда выглядывали длинные французские батоны, корзина, набитая книгами и пластинками, плащ, лыжные ботинки и громадная соломенная шляпа.

Обозрев этот скарб, Кристофер без особого беспокойства стал размышлять, как же пронести все это в самолет.

– Шляпу, ботинки и плащ можешь надеть на себя. Тремя вещами станет меньше.

– Но я уже в ботинках, а шляпу сдует ветром. Плащ ужасен, в нем я выгляжу, как перемещенное лицо. Не понимаю, зачем я его вообще взяла?

– Затем, что в Лондоне будет дождь.

– А может, не будет.

– Он там идет всегда. – Кристофер прикурил от окурка очередную сигарету. – Еще один довод за то, что ты должна остаться со мной в Париже.

– Мы уже сто раз с тобой это обсуждали. Я возвращаюсь в Англию.

Он усмехнулся, впрочем благодушно. В глазах у него светились желтые искорки, и когда он улыбался, внешние уголки глаз приподнимались, и он, долговязый, с ленивыми движениями, странным образом становился похожим на большого длинного кота. Одет он был небрежно и пестро, несколько богемно. Узкие вельветовые брюки, сапоги «чакка» для верховой езды, довольно поношенные, ситцевая голубая рубашка, надетая поверх желтого свитера, и замшевая куртка, очень старая, залоснившаяся на локтях и на воротнике. Он был похож на француза, хотя на самом деле был англичанином, как и Эмма, и даже, можно сказать, ее родственником: давным-давно, когда Эмме было шесть, а Кристоферу десять лет, отец Эммы, Бен Литтон, женился на Эстер Феррис, матери Кристофера. Союз их, нельзя сказать, чтобы с успехом, длился полтора года и в конце концов распался; теперь Эмма вспоминала эти полтора года как единственный период в ее жизни, когда у нее была более или менее обычная семья.

Это Эстер настояла на покупке коттеджа в Порткеррисе. Бен еще задолго до войны купил там домик, где устроил мастерскую, но удобства в доме просто-напросто отсутствовали, и Эстер, едва взглянув на убогую лачугу, в которой предлагалось поселиться, немедленно приобрела два рыбацких коттеджа, соединила их в один и обустроила с присущим ей вкусом. Бена подобные заботы совершенно не интересовали, это стал, по сути, дом Эстер и это она настояла на хорошо оборудованной кухне, на бойлере, где грелась бы вода, и большом камине, где ярко горели бы поленья, – сердце дома, его центре, у которого могли бы играть дети.

Намерения у Эстер были прекрасные, но методы претворения их в жизнь не столь успешные. Она готова была идти на какие-то уступки. Она вышла замуж за гения, его репутация была ей известна, и она приготовилась закрывать глаза на его амурные делишки, на сомнительных друзей и на его отношение к деньгам. Но в итоге, как это часто случается и в самых обыкновенных браках, потерпела поражение из-за мелочей. Забытая, несъеденная еда. Самые обычные счета месяцами лежали неоплаченными. Бен по-прежнему предпочитал выпивать в местном кабачке, вместо того чтобы делать это цивилизованно, дома, с ней вместе. Она была повержена окончательно, когда он запретил ей поставить в доме телефон, купить машину. В доме то и дело появлялись какие-то бродяги, и он укладывал их спать на ее софу; ну и последнее – он никогда ничем не проявил хотя бы какую-то привязанность к ней.

Забрав Кристофера, Эстер покинула его и чуть ли не в тот же день подала на развод. Бен с радостью его ей дал. Он был также в восторге оттого, что ему больше не попадется на глаза мальчик. Они не ладили. Бен ревностно оберегал свое мужское верховенство в доме, а Кристофер, уже в свои десять лет, был индивидуумом, который не позволял, чтобы его игнорировали. Несмотря на все старания Эстер, этот антагонизм не затухал. Даже красота мальчика – Эстер свято верила, что глаз художника оценит ее, – имела прямо противоположный эффект, и когда Эстер уговаривала Бена написать портрет Кристофера, он отвечал отказом.

После их отъезда жизнь в Порткеррисе очень быстро вошла в старую ухабистую колею. Об Эмме и Бене поочередно заботились какие-то безалаберные особы женского пола, то манекенщицы, то студентки-художницы, они входили в жизнь Бена Литтона и выходили из нее с монотонной последовательностью хорошо упорядоченной очереди к кинотеатру. Единственно, что между ними было общего, – это льстивое преклонение перед Беном и надменное игнорирование хозяйственных дел. Эмму они по возможности старались не замечать, а она, по правде говоря, не так уж и скучала по Эстер. Она, как и Бен, устала оттого, что ею все время руководили и все время заставляли переодеваться в чистую одежду. Но с Эстер уехал и Кристофер, и в жизни Эммы образовалась брешь, которую никем и ничем невозможно было заполнить. Она тосковала по нему, писала ему письма, но не осмеливалась узнать у Бена адрес, и письма оставались неотправленными. В какой-то день, измученная одиночеством, она решила отыскать его и убежала из дома. Начинать пришлось с местной станции и покупки билета в Лондон, а денег у нее было всего-навсего полтора шиллинга, и начальник станции, который знал Эмму, повел ее в свою комнатку, где пахло керосиновыми лампами и каменным углем, горевшим в печурке, налил ей из эмалированного чайника чашку чая и проводил домой. Бен и не заметил ее отсутствия – он работал. Больше она Кристофера не искала.

Эмме было тринадцать лет, когда Техасский университет предложил Бену преподавательскую стипендию на два года, и он немедленно принял предложение, даже и не вспомнив об Эмме. Когда стали обсуждать, что же делать с Эммой, Бен объявил, что просто возьмет ее с собой в Техас, но кто-то из друзей – вероятно, Маркус Бернстайн – убедил Бена, что Эмме лучше быть подальше от него, и ее отправили в частную школу в Швейцарию. Три года она прожила в Лозанне – ни разу за это время не побывав в Англии, – а затем еще на год уехала во Флоренцию изучать итальянский язык и искусство Ренессанса. Бен в это время жил в Японии. Эмма написала, что хотела бы поехать к нему, но он ответил телеграммой: «ВТОРАЯ

ПОСТЕЛЬ ЗАНЯТА ОЧАРОВАТЕЛЬНОЙ ГЕЙШЕЙ ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ НЕ ПОЖИТЬ В ПАРИЖЕ».

Рассудив философски – ей уже исполнилось семнадцать, и жизнь научила ее ничему не удивляться, – Эмма поступила так, как он предлагал. Она нашла себе работу – нанялась гувернанткой в семью Дюпре. Жили они в большом академическом доме на бульваре Сен-Жермен, отец был профессором медицины, мать преподавательницей. Эмма заботилась о троих их благовоспитанных детях, учила их английскому и итальянскому, в августе выезжала вместе с ними на скромную семейную виллу в Ла-Боль и терпеливо дожидалась, когда Бен вернется в Англию. В Японии он прожил полтора года, а когда наконец вернулся, то через Соединенные Штаты, проведя месяц в Нью-Йорке. Маркус Бернстайн вылетел в Штаты, чтобы встретить его там, и, как повелось, Эмма узнала, что появилась возможность для их воссоединения, не от самого Бена и даже не от Лео, который обычно был для нее источником информации, а из большой и богато иллюстрированной статьи во французском журнале «Реалите», где речь шла о новом Музее изящных искусств, открывшемся в Куинстауне в штате Виргиния. Этот музей был мемориалом богатого виргинца Кеннета Райана, возведенным его вдовой, и один из его отделов – картинная галерея – открывался ретроспективной выставкой работ Бена Литтона, от довоенных пейзажей до поздних абстракционистских картин.

Такая выставка была очень почетна, и, естественно, предполагалось, что художник должен быть всеми почитаемым Великим Старым Мастером. Эмма разглядывала одну из фотографий Бена – резкие линии и контрасты: темный загар, острый подбородок и белоснежные волосы. Интересно, как сам он относится ко всем этим почестям? Всю свою жизнь он бунтовал против всевозможных торжественных церемоний, и Эмма представить себе не могла, что он покорно принимает титул «Великий».

– Но какой мужчина! – воскликнула мадам Дюпре, когда Эмма показала ей фотографию. – Он очень привлекателен.

– Да, – со вздохом сказала Эмма. – В том-то и беда.

Он возвратился в Лондон в январе вместе с Маркусом и сразу же отправился в Порткеррис работать. Это подтвердил в письме Маркус. В тот день, когда Эмма получила это письмо, она пошла к мадам Дюпре и заявила, что увольняется. Супруги Дюпре всячески ее уговаривали, улещивали, предлагали увеличить зарплату, однако Эмма была непреклонна. Она, можно сказать, шесть лет не видела отца. Пришло им время узнать друг друга. Она поедет в Порткеррис, чтобы жить возле него.

В конце концов они согласились ее отпустить. Собственно, выбора у них не было. Эмма заказала билет и начала укладываться, выбрасывая какие-то вещи из накопившихся за шесть лет, а остальное впихивая в обшарпанные, много попутешествовавшие чемоданы. Но их не хватило, и Эмма поняла, что надо купить корзину, большую французскую корзину для рынка – туда поместятся всякие неудобные предметы, которые больше никуда не укладывались.

День был холодный, пасмурный; до отлета оставалось два дня. Мадам Дюпре была дома, Эмма объяснила ей свою заботу и, оставив детей на ее попечение, отправилась за корзиной. А на улице, оказывается, и вовсе моросил дождик, мелкая холодная изморось. Блестела мокрая булыжная мостовая на узкой улочке. Большие блеклые дома стояли в сумраке молчаливые, замкнутые, похожие на людей, которые не привыкли выдавать свои чувства. С реки доносились гудки буксира и где-то высоко, в тумане, уныло покрикивала одинокая чайка. Эмме показалось, что она уже в Порткеррисе, а не в Париже. Решение, которое так долго подспудно зрело у нее в голове, перешло в ощущение – ей казалось, что она уже там, в Порткеррисе, и улочка идет не на бульвар Сен-Жермен, а вот-вот выведет ее на дорогу к гавани, сейчас время прилива, серое море подступило к самому берегу, качаются на волнах лодки, за северным пирсом накат высоких ветровых волн, и дальше весь морской простор пестрит белыми барашками. Сейчас поплывут такие знакомые запахи: запахнет рыбой с рынка, горячими шафранными кексами

из булочной, а все маленькие летние лавчонки будут заперты и ставни на них закрыты – до летнего сезона. И в мастерской на берегу работает Бен; из-за холода он в перчатках; ослепительно-яркие мазки на холсте словно сражаются с серой тучей, наползающей на северное окно в потолке студии…

Она едет домой! Через два дня она будет там. Дождик сек ей лицо, а ее вдруг охватило нетерпение – больше ждать невозможно! – и, счастливая, она пустилась бежать и пробежала всю дорогу до маленькой épicerie[1] на бульваре Сен-Жермен, где она купит корзину.

Лавочка была маленькая, благоухающая свежим хлебом и чесночными сосисками; с потолка, точно большие белые бусины, свисали связки лука; у стенки выстроились бутыли с вином, которое окрестный рабочий люд покупал литрами. Корзины, нанизанные на одну веревку, висели у входной двери. Эмма не решилась развязывать ее, чтобы выбрать подходящую корзину, опасаясь, что вся связка рухнет на тротуар, поэтому она вошла в лавочку позвать кого-нибудь, чтобы ей помогли. Там была только одна полная женщина с родинкой на щеке, она занималась с покупателем. Эмма подождала. Покупателем был молодой человек, светловолосый, в мокром плаще. Он покупал длинный батон хлеба и кружок деревенского масла. Эмма посмотрела на него и решила, что, по крайней мере со спины, он довольно привлекателен.

– Combien?[2] – спросил он.

Толстуха взяла огрызок карандаша, подсчитала на бумажке и сообщила ему. Он полез в карман, заплатил, повернулся, улыбнулся Эмме и направился к двери.

Но, взявшись за ручку двери, он остановился, медленно обернулся и еще раз взглянул на Эмму. Она увидела янтарные глаза, медленную, недоверчивую улыбку.

Лицо было то же – знакомое мальчишечье лицо на незнакомом мужском туловище. Видение Порткерриса, которое только что так зримо посетило ее, продолжалось: еще один плод ее разыгравшегося воображения. Конечно, это не он. Этого не может быть…

Она услышала свой голос: «Кристо…» Сама того не сознавая, она назвала его тем именем, которым звала когда-то. Он тихо произнес: «Просто не могу поверить!» – а потом уронил свои свертки, простер руки, и Эмма упала в них и крепко прижалась к блестевшему от дождя плащу.

У них было два дня, чтобы провести их вместе. Эмма сказала мадам Дюпре: «Мой брат в Париже», и мадам, смирившись с тем, что ей все равно придется обходиться без Эммы, в общем-то добрая женщина, отпустила ее. В эти два дня они с Кристофером бродили по парижским улицам; стояли на мостах, наблюдая, как проплывают внизу баржи, держа путь на юг, к солнцу; сидели за маленькими круглыми железными столиками в тощем солнечном свете, попивая кофе, а когда шел дождь, находили убежище в соборе Нотр-Дам или в Лувре, присаживались на ступеньки по соседству с Никой Самофракийской. И говорили. Так много надо было спросить, столько рассказать. Эмма узнала, что после нескольких фальстартов Кристофер решил стать актером. Пошел против своей матушки – полтора года, прожитые с Беном Литтоном, привили ей стойкую идиосинкразию к артистическим натурам, – но сын стоял на своем и даже сумел получить стипендию в РАДА[3]. Два года проработал в репертуарном театре в Шотландии, затем переехал в Лондон, где дела его пошли не слишком успешно; немного снимался на телевидении, и в это время один приятель пригласил его в Сен-Тропе, где у его матери был дом, и Кристофер устроил себе небольшие каникулы.

– Сен-Тропе зимой? – не могла не удивиться Эмма.

– Зимой или никогда. Летом нас никто не приглашал.

– А не холодновато ли там зимой?

---

[1] Бакалейная лавка *(фр.)*.

[2] Сколько? *(фр.)*.

[3] РАДА (Royal Academy of Dramatic Art) – Королевская академия драматического искусства.

– Ужасно холодно! И все время шел дождь. Ставни дребезжали от ветра. Как в фильме ужасов.

В январе он возвратился в Лондон повидаться со своим агентом, и тот предложил ему контракт на год с небольшой репертуарной компанией на юге Англии. Не о такой работе он мечтал, но это все же лучше, чем ничего, и у него уже кончаются деньги, и театрик находится недалеко от Лондона. Работа, однако, начинается только с марта, он снова поехал во Францию, чтобы закончить свои дела в Париже, и вот наконец-то встретил Эмму. Теперь он примириться не мог с тем, что она так скоро улетает в Англию, и делал все, чтобы заставить ее переменить свое решение, отложить отъезд и остаться с ним в Париже. Но Эмма была непреклонна:

– Ты не понимаешь – я должна это сделать!

– Старик даже и не приглашает тебя приехать. Будешь путаться у него под ногами, мешать его амурным делишкам.

– Никогда не мешала… Я имею в виду – не вмешивалась в его жизнь. – Эмма засмеялась – такое упрямое выражение было у Кристо на лице. – Да и какой смысл мне оставаться в Париже – тебе же в следующем месяце возвращаться в Англию.

Кристофер скривился:

– Хорошо бы не возвращаться. Представляешь, какой-то задрипанный театрик в Брукфорде. Каждые две недели репетируют новую пьесу. С ума сойдешь! К тому же меня не ждут там раньше чем через две недели. Если бы ты еще могла побыть в Париже…

– Нет, Кристо.

– Сняли бы небольшую мансарду. Ты только представь, как было бы весело! На ужин хлеб и сыр и вдоволь простого красного вина.

– Нет, Кристо.

– Париж весной… голубые небеса, деревья в цвету и все такое прочее.

– Весна еще не пришла. Все еще зима.

– Ты всегда такая некомпанейская?

Но она никак не соглашалась остаться, и он наконец признал поражение:

– Ну ладно, если я не смог убедить тебя составить мне компанию, поведу себя как хорошо воспитанный джентльмен, на английский лад: провожу тебя на самолет.

– Вот это прекрасно!

– Имей в виду, огромная жертва с моей стороны. Ненавижу прощаться.

В этом Эмма с ним согласилась. Иногда ей казалось, что она только и знает, что с кем-то прощается. Всю свою жизнь. Поезд трогался от платформы, набирал скорость, и у нее слезы подступали к глазам.

– Но это будет другое прощание.

– Как – другое? – поинтересовался Кристофер.

– Это не настоящее прощание, это au revoir – до свидания. Мостик между двумя «здравствуй».

– Моя мать и твой отец нас не одобрят.

– А мне безразлично, одобрят они или нет, – сказала Эмма. – Мы снова нашли друг друга, и на ближайшее будущее только это имеет значение.

Над их головами щелкнул репродуктор и женским голосом объявил:

– Леди и джентльмены. Начинается посадка на самолет компании «Эр-Франс», отлетающий рейсом номер четыреста два в Лондон…

– Это мой, – сказала Эмма.

Они потушили сигареты, поднялись и начали собирать багаж. Кристофер взял парусиновую и бумажную сумки и набитую битком корзину. Эмма перекинула плащ через плечо, в руках у нее были сумочка, лыжные ботинки и шляпа.

– Шляпу ты лучше бы надела, – заметил Кристофер. – Тогда будет полный ансамбль.

– Ее сдует. Уж не говоря о том, какой у меня будет глупый вид.

Они спустились вниз, прошли по сверкающему полу пространство до ограждения и присоединились к уже установившейся небольшой очереди пассажиров.

– Эмма, ты сегодня отправишься в Порткеррис?

– Да, сяду на первый же поезд.

– А деньги у тебя есть? Я имею в виду фунты, шиллинги и пенсы?

Об этом она и не подумала.

– Нет. Но это не важно. Получу где-нибудь по чеку.

Они стояли в очереди позади англичанина-бизнесмена, в руках у которого были только паспорт и тощий портфель. Кристофер наклонился к нему:

– Не могли бы вы помочь, сэр?

Англичанин обернулся и с удивлением обнаружил лицо Кристофера почти что на своем плече. Выражение лица у молодого человека было совершенно невинное.

– Я очень извиняюсь, сэр, но мы оказались в затруднительном положении, – сказал Кристофер. – Моя сестра возвращается в Лондон, шесть лет не была дома, поэтому набралось столько ручного багажа, и, понимаете ли, она еще не совсем оправилась после тяжелой операции…

Эмма вспомнила, как Бен говорил, что Кристофер никогда не ограничивается маленькой ложью, если можно наврать с три короба. Глядя на него, когда он так беспардонно врал, она решила, что он очень мудро выбрал себе профессию. Актер он был превосходный.

После такого вступления деваться джентльмену было некуда.

– Да-да, конечно…

– Вы чрезвычайно любезны… – Парусиновая сумка и пакет с хлебом перекочевали в одну руку незнакомца, корзина вместе с тощим портфелем оказались в другой. Эмма от души пожалела соотечественника.

– Это только до той минуты, когда мы сядем в самолет… вы так любезны… понимаете ли, мой брат не летит со мной…

Очередь двинулась вперед, они подошли к барьеру.

– До свидания, дорогая Эмма, – сказал Кристофер.

– До свидания, Кристо.

Они поцеловались. Коричневая рука забрала ее паспорт, полистала страницы, поставила штамп.

– До свидания!

Теперь их разделяли ограждение, паспортные формальности, другие пассажиры, устремившиеся вперед.

– До свидания!

Ей было бы приятно, если бы он дождался, когда она благополучно войдет в самолет, но, едва она помахала шляпой, он повернулся и зашагал прочь. Солнечные блики на светлых волосах, руки засунуты глубоко в карманы кожаного пальто.

2

В февральском Лондоне шел дождь. Начался он в семь утра и без перерыва лил до сих пор. На выставке в половине двенадцатого людей было совсем мало, да и эти энтузиасты, скорее всего, просто укрылись тут от дождя. Они скинули мокрые плащи, поставили сушиться зонтики и стояли кружком, кляня погоду, сами при этом даже еще не купили каталоги.

В половине двенадцатого пришел какой-то американец покупать картину. Остановился он в «Хилтоне» и хотел говорить с мистером Бернстайном. Сотрудница галереи Пегги, сидевшая за столиком у входа, взяла у него визитную карточку, вежливо попросила минутку подождать и пошла в кабинет Бернстайна доложить Роберту.

– Мистер Морроу, пришел американец… – она посмотрела в карточку, – Лоуэлл Чики. Неделю назад он посетил выставку, мистер Бернстайн показал ему «Оленей» Бена Литтона и полагал, что он купит картину, но мистер Чики не мог сразу решиться, хотел подумать.

– Вы сказали ему, что мистер Бернстайн сейчас в Эдинбурге?

– Да, но он не может ждать. Послезавтра возвращается в Штаты.

– Пригласите его.

Роберт Морроу поднялся и, пока Пегги пошла звать американца, быстро привел в порядок стол, сложил стопочкой письма, высыпал содержимое пепельницы в корзину для бумаг и задвинул ее носком башмака под стол.

– Мистер Чики, – объявила Пегги голосом хорошо вышколенной горничной.

Роберт вышел из-за стола, и они обменялись рукопожатием.

– Как поживаете, мистер Чики? Я Роберт Морроу, партнер мистера Бернстайна. К сожалению, он сегодня в Эдинбурге, но, быть может, я помогу вам?..

Лоуэлл Чики был невысокий крепыш в дакроновом плаще и шляпе с узкими полями. И плащ, и шляпа промокли насквозь, из чего явствовало, что мистер Чики приехал не на такси. С помощью Роберта он стал высвобождаться из своего промокшего плаща, под которым оказались синий териленовый костюм и нейлоновая рубашка в полоску. Он носил очки без оправы, за стеклами холодно поблескивали серые глаза, и невозможно было определить, из каких он кругов – то ли финансовых, то ли имеющих отношение к искусству.

– Спасибо, хорошо, – сказал мистер Чики. – Кошмарное утро…

– И непохоже, что распогодится… Прошу вас, сигарету, мистер Чики…

– Спасибо, но я больше не курю. – Он смущенно кашлянул. – Жена заставила меня бросить.

Оба мужчины усмехнулись: у женщин явная идиосинкразия на курение. Но до глаз мистера Чики усмешка не дошла. Он пододвинул стул и сел на него, закинув ногу на ногу и выставив начищенный черный ботинок. Чувствовал он себя вполне комфортно.

– Я был у вас неделю тому назад, мистер Морроу, и мистер Бернстайн показал мне одну картину Бена Литтона – ваш секретарь, очевидно, объяснила вам.

– Да, она сказала, картина с оленями.

– Если можно, я хотел бы взглянуть на нее еще раз. Послезавтра я возвращаюсь в Штаты и желал бы окончательно решить этот вопрос.

– Конечно, конечно!

Картина ждала решения мистера Чики на том месте, где оставил ее Маркус: прислоненная к стене кабинета. Роберт выдвинул мольберт на середину комнаты, повернул его к окну и бережно установил на нем картину Бена Литтона. Большой холст, масло – три оленя в лесу. Свет проникал сквозь едва намеченные ветви деревьев, и на полотне было много белого цвета, отчего картина казалась воздушной. Но самой интересной ее особенностью являлось то, что она была написана не на ровно натянутом холсте, а на джутовой ткани, грубое плетение кото-

рой затрудняло движение кисти, и потому все линии и очертания были как бы чуть смазаны, как на фотографии движущегося объекта.

Американец установил поудобнее стул и нацелил на картину холодно отсвечивающие очки, Роберт же отошел к задней стене комнаты, дабы ничем не помешать суждению мистера Чики; перед глазами же самого Роберта торчала теперь круглая, коротко остриженная голова потенциального покупателя. Самому Роберту эта картина нравилась. Он не был фанатичным поклонником творчества Бена Литтона. Он считал, что его картины несколько надуманны и их не всегда легко понять – быть может, это самовыражение художника, – но на этот импрессионистский легкий лесной пейзаж хотелось смотреть и смотреть, жить с ним рядом, он никогда не надоест.

Мистер Чики поднялся со стула, подошел к картине, еще раз внимательно в нее вгляделся, снова отошел, затем прислонился спиной к письменному столу Роберта.

– Мистер Морроу, как вам кажется, – начал он, не поворачиваясь к Роберту, – что вдохновило Литтона рисовать этот пейзаж на мешковине?

Роберт чуть не рассмеялся, услышав слово «мешковина». Ему неудержимо захотелось щелкнуть американца по носу и сказать: «Может, просто старый мешок оказался под рукой», но сосредоточенный вид мистера Чики говорил о том, что он вряд ли оценит такую шутку. Мистер Чики был здесь для того, чтобы потратить деньги, а это дело серьезное. Роберт благоразумно решил, что мистер Чики, покупая Литтона, как бы делает вложение и надеется, что внакладе не останется.

Он сказал:

– Не имею представления, мистер Чики, но это придает картине особую прелесть.

Мистер Чики повернулся к Роберту и одарил его холодной улыбкой:

– Вы не слишком хорошо разбираетесь в таких вещах, не то что мистер Бернстайн.

– Нет, – согласился Роберт. – Боюсь, что нет.

Мистер Чики снова погрузился в раздумье. Воцарилось молчание. Роберт отвлекся. Теперь он слышал, как тикают у него на руке часы, слышал голоса за дверью. Тяжелый гул, словно отдаленный прибой, – это поток транспорта на Пикадилли.

Американец порывисто вздохнул. Он начал шарить по карманам, в одном, в другом. Что-то искал, быть может, носовой платок. Или мелочь, чтобы на обратном пути заплатить за такси до «Хилтона». Как видно, раздумья закончились. Роберт не сумел убедить его, что Литтона стоит купить. Сейчас он извинится и уйдет.

Оказалось, мистер Чики искал ручку. Когда он повернулся, Роберт в другой его руке увидел чековую книжку.

Завершив формальности, мистер Чики преобразился: стал приветливым и даже снял очки и сунул их в свой кейс. Он охотно согласился выпить бокал хереса, и они с Робертом немного посидели и поговорили о Маркусе Бернстайне, о Бене Литтоне и о трех картинах, которые мистер Чики приобрел в свой последний визит в Лондон; вместе с сегодняшней покупкой они станут ядром его небольшого частного собрания. Роберт рассказал ему о ретроспективной выставке работ Бена Литтона, которая состоится в апреле в Куинстауне в штате Виргиния, и мистер Чики сделал пометку в своем блокнотике. Роберт помог мистеру Чики облачиться в плащ, подал ему шляпу, и они пожали друг другу руки.

– Приятно было познакомиться с вами, мистер Морроу. Вы мне очень помогли.

– Надеюсь, вы посетите нас и в следующий ваш приезд в Лондон.

– Почти наверняка.

Роберт пропустил мистера Чики в дверь, и они вышли в галерею. В эти дни у них было выставлено собрание картин безвестного южноамериканского художника с совершенно непроизносимым именем – простого бедного парня, который каким-то невероятным образом научился рисовать. Птицы и анималистская живопись. Маркус в прошлом году встретил этого

художника в Нью-Йорке, сразу же заинтересовался его работами и предложил ему устроить выставку в Лондоне. И вот теперь его восхитительные картины были развешаны на бледно-желтых стенах Галереи Бернстайна и в это хмурое утро озарили ее сияющим солнцем и яркой зеленью страны с более целительным климатом. Критики его полюбили. Выставка открылась десять дней назад, с первого же дня в ней толпился народ, и за два дня все до единой картины были проданы.

Но в данный момент в галерее присутствовало всего три человека. Одним из них была скромная Пегги – в строгом костюме она сидела за своим овальным столиком, выправляя гранки нового каталога. Вторым – посетитель в черной шляпе, который, чуть ссутулившись, похожий на большую черную ворону, медленно обходил зал. А третьей была девушка – она сидела на круглой банкетке в середине комнаты и смотрела на дверь директорского кабинета. Одета она была в ярко-зеленый брючный костюм, а вокруг стояли и лежали довольно странные вещи. Казалось, она забрела в Галерею Бернстайна по ошибке, приняв ее за зал ожидания на железнодорожном вокзале.

Роберт хладнокровно, будто никакой девушки тут вовсе не было, прошел – весь внимание – вместе с продолжавшим что-то говорить мистером Чики по ворсистому ковру к выходу. Стеклянная дверь отворилась и захлопнулась за ними, и их поглотил сумрак унылого утра.

– Это мистер Морроу? – спросила Эмма Литтон.

Пегги подняла голову:

– Да.

Эмма не привыкла, чтобы ее игнорировали, ей стало не по себе. Жаль, что Маркус в Эдинбурге. Она скрестила ноги, потом снова поставила их прямо. Снаружи донесся шум отъезжающего такси, затем стеклянная дверь снова отворилась и Роберт Морроу вернулся в галерею. Он не произнес ни слова и, сунув руки в карманы, спокойно глядел на Эмму и на нагромождение вещей.

Она подумала, что никогда в жизни не встречала человека, который бы так мало походил на дилера, занимающегося продажей картин. Такое лицо больше подошло бы спортсмену, который только что возвратился из одиночного кругосветного плавания на парусной шлюпке и ему помогли из нее выбраться, но он еще не совсем твердо стоит на ногах, да к тому же небрит; или альпинисту, смотрящему сквозь темные очки вниз с вершины впервые покоренного – им покоренного! – пика. Но в изысканный интерьер Галереи Бернстайна он совершенно не вписывался. Он был очень высокий, широкоплечий, длинноногий. И неожиданно – казалось, ему должна была бы подходить совсем другая одежда – в элегантном темно-сером костюме, подчеркивающем и ширину плеч, и длину его ног. В юности он, должно быть, был рыжим, но с годами волосы потемнели, стали рыжевато-коричневыми, а серые глаза на их фоне казались совсем светлыми. Широкие скулы и упрямая челюсть. И все же – Эмму это открытие позабавило – он был необычайно привлекателен.

Впрочем, Бен всегда говорил, что характер человека можно определить не по глазам, которые отражают его чувства, но их всегда можно скрыть, – а по рисунку рта. У этого мужчины рот был широкий, с выступающей нижней губой; сейчас его губы чуть подергивались – как видно, он изо всех сил старался не рассмеяться. Молчание становилось неловким. Эмма изобразила улыбку. Она сказала: «Привет!»

Роберт повернулся к Пегги за разъяснениями. Та с трудом прятала улыбку.

– Эта молодая леди хочет видеть мистера Бернстайна.

– Сожалею, но он в Эдинбурге, – сказал Роберт Морроу.

– Да, я знаю, мне уже сказали. Дело в том, что я хотела обналичить чек. – На лице Роберта отразилось еще большее недоумение, и Эмма решила, что пришло время все объяснить. – Я – Эмма Литтон, – сказала она. – Бен Литтон – мой отец.

Все разъяснилось.

– Но почему же вы сразу не сказали? Прошу прощения, мне и в голову не пришло. – Роберт шагнул вперед. – Здравствуйте…

Эмма поднялась с банкетки. Соломенная шляпа, лежавшая у нее на колене, спланировала на ковер и теперь распласталась там вдобавок ко всему беспорядку, что Эмма учинила в элегантно декорированном зале.

Они обменялись рукопожатием.

– Я… почему я должна была об этом объявлять? И мне ужасно неловко – эти чемоданы и сумки, но я шесть лет не была дома, вот столько всего и набралось.

– Да, вижу.

Эмма была смущена.

– Если можно, обналичьте мне чек, и я все это увезу. Мне нужно немного, только чтобы доехать до Порткерриса. Понимаете, я совсем забыла, что понадобятся английские фунты, когда уезжала из Парижа, а дорожные чеки у меня кончились.

Роберт нахмурился:

– Но как же вы добрались до нас? Я имею в виду – из аэропорта?

– Ах… – Она и забыла. – Повезло с попутчиком, добрый оказался человек – в Париже помог мне донести багаж до самолета и в Лондоне тоже помог, да еще дал мне взаймы фунт. Я должна буду ему отослать. Где-то тут у меня его адрес. – Она рассеянно пошарила в карманах и не нашла визитки. – Ладно, я ее куда-то сунула. – Эмма улыбнулась, надеясь смягчить мистера Морроу.

– И когда же вы отправляетесь в Порткеррис?

– Кажется, есть поезд в двенадцать тридцать.

Он взглянул на часы:

– Этот вы пропустили. Когда следующий?

Судя по озадаченному выражению лица Эммы, она не знала. В разговор мягко вмешалась Пегги:

– По-моему, в два тридцать, мистер Морроу, но я могу проверить.

– Да, пожалуйста, Пегги, проверьте. В два тридцать вам подходит?

– Да, конечно. Это не важно, в какое время я приеду.

– А отец ждет вас?

– Ну, я послала ему письмо, в котором сообщаю о своем приезде. Но это не означает, что он ждет меня…

Роберт улыбнулся:

– Понимаю. Ну хорошо… – Он снова взглянул на часы: было четверть первого. Пегги уже звонила, проверяя время отхода следующего поезда. Роберт перевел взгляд на багаж. Эмма наклонилась и подобрала с ковра шляпу, как будто это могло исправить положение. – Думаю, лучше всего будет убрать все эти вещи отсюда… давайте-ка сложим их в кабинете, и… Вы завтракали?

– Выпила кофе в Ле-Бурже.

– Если вы поедете в два тридцать, у меня есть время, чтобы угостить вас ланчем.

– О, не беспокойтесь!

– Нет никакого беспокойства. В любом случае я должен перекусить, и вы можете ко мне присоединиться. Пойдемте.

Он подхватил два чемодана и направился к кабинету. Эмма собрала все, что могла унести, и последовала за ним. Пейзаж с оленями все еще стоял на мольберте, она тут же его узнала.

– Это картина Бена.

– Да, и я только что ее продал…

– Низенькому человеку в плаще? Чудный пейзаж, не правда ли? – Она обрадовалась, что можно перевести разговор на что-то другое, и продолжала, когда Роберт принес остатки ее багажа: – Почему он написал его на джутовой ткани?

– Об этом вам лучше спросить у него самого сегодня вечером.

Она повернулась к Роберту:

– Вам не кажется, что здесь есть влияние японской школы?

– Как жаль, что мне не пришло в голову сказать это мистеру Чики. Вы готовы?

Он взял с подставки огромный черный зонт, пропустил Эмму впереди себя в дверь, и, оставив Пегги на ее посту в галерее, где был восстановлен обычный покой и порядок, они вышли под дождь и под черным зонтом стали прокладывать себе дорогу в обычном в этот час потоке лондонцев на Кент-стрит.

Он привел ее к Марчелло, где всегда завтракал, если не требовалось повести в более солидный ресторан какого-то важного клиента и расходы шли за счет галереи. Ресторанчик итальянца Марчелло помещался в двух кварталах от галереи, и для Маркуса или Роберта либо для них обоих, когда они, случалось, могли позавтракать вместе, всегда был зарезервирован здесь столик. Скромный столик в спокойном уголке, однако сегодня, когда Роберт и Эмма поднялись по лестнице, Марчелло, бросив взгляд на Эмму в зеленом брючном костюме, с роскошной гривой волос, предложил им столик у окна.

Роберт улыбнулся.

– Хотите сесть у окна? – спросил он Эмму.

– А где вы сидите обычно? – (Он указал на маленький угловой столик.) – Так почему нам не сесть там?

Марчелло она очаровала. Он проводил их к столику, выдвинул для Эммы стул, вручил обоим по огромному меню, написанному какими-то необычными пурпурными чернилами, и, пока они выбирали, что им съесть, отошел и вернулся с двумя рюмками аперитива.

– Кажется, мои акции у Марчелло сразу поднялись. Не помню, чтобы я когда-нибудь приводил сюда на ланч девушку.

– С кем же вы обычно приходите?

– Один. Или с Маркусом.

– Как поживает Маркус? – Голос ее потеплел.

– Хорошо. Уверен, он будет огорчен, что не увиделся с вами.

– Это моя вина. Мне следовало написать и предупредить о моем приезде. Но, как вы уже, очевидно, поняли, у нас, Литтонов, с этим не все в порядке – мы не любим писать письма.

– Но вы же знали, что Бен вернулся в Порткеррис.

– Ну да, Маркус написал мне. И я все знаю о ретроспективной выставке – прочла статью в «Реалите». – Эмма усмехнулась. – Быть дочерью знаменитого отца иногда не так уж и плохо, это чем-то компенсируется. Даже когда сам он ничего другого, кроме телеграмм, не присылает, обычно можешь прочесть, что с ним происходит, в той или другой газете.

– Когда вы в последний раз видели его?

– О… – Она пожала плечами. – Два года тому назад. Я была во Флоренции, и он остановился там на пути в Японию.

– Не знал, что в Японию надо ехать через Флоренцию.

– Можно и через Флоренцию, если там в это время живет ваша дочь. – Эмма поставила локти на стол и подперла ладонями подбородок. – Полагаю, вы даже не знали, что у Бена есть дочь.

– Конечно знал.

– А я вот о вас не знала. Я имею в виду – не знала, что у Маркуса есть партнер. Он работал один, когда Бен уехал в Техас, а меня отправили в Швейцарию.

– Как раз в это время я и присоединился к Бернстайну.

– Я… не встречала человека, который был бы меньше похож на торговца картинами… чем вы.

– Наверное, потому, что я не торговец картинами.

– Но… вы только что продали тому человеку картину Бена.

– Не совсем так, – поправил ее Роберт. – Я всего лишь принял от него чек. Маркус уже продал ему эту картину неделю назад, хотя этого не понял даже сам мистер Чики.

– Но вы же должны как-то разбираться в живописи.

– Теперь разбираюсь. Работать бок о бок с Маркусом столько лет и не позаимствовать от него хотя бы какую-то часть его поистине глубочайших знаний просто невозможно. Вообще-то, я бизнесмен, и именно поэтому Маркус пригласил меня.

– Но ведь Маркус и сам преуспевающий бизнесмен. Мне так казалось.

– Совершенно верно, преуспевающий – и его затея с галереей настолько удалась, что в одиночку ему стало трудно управляться со всеми делами.

Между густыми бровями Эммы пролегла морщинка; она продолжала разглядывать его.

– Еще вопросы есть?

Ничуть не смутившись, Эмма спросила:

– Вы всегда были близким другом Маркуса?

– На самом деле, вы хотите спросить, почему он взял меня в фирму? Ответ таков: Маркус не только мой партнер, но и мой зять. Он женат на моей старшей сестре.

– Вы хотите сказать, что Хелен Бернстайн – ваша сестра?

– Вы помните Хелен?

– Конечно. И маленького Дэвида. Как они поживают? Передайте от меня привет, я их очень люблю. Знаете, когда Бен ездил в Лондон и меня не с кем было оставить в Порткеррисе, я жила у них. И это Маркус и Хелен сажали меня в самолет, когда я улетала в Швейцарию, потому что Бен тогда уже уехал в Техас. Вы скажете Хелен, что я вернулась и что вы кормили меня завтраком?

– Обязательно скажу.

– Они по-прежнему живут в маленькой квартирке на Бромптон-роуд?

– Нет, когда умер отец, они переехали ко мне. Мы все живем в нашем старом фамильном доме в Кенсингтоне.

– Вы хотите сказать, что живете там все вместе?

– И вместе, и порознь. Маркус, Хелен и Дэвид занимают два первых этажа, старая домоправительница отца живет в цокольном этаже, а я как петух на насесте – в мансарде.

– Вы женаты?

На мгновение у него в глазах мелькнула растерянность.

– Нет, не женат.

– Почему-то я была уверена, что женаты. У вас вид женатого человека.

– Не очень понимаю, что вы имеете в виду…

– О, я ничуть не хотела унизить ваше достоинство. Наоборот – это комплимент. Хотела бы я, чтобы Бен так выглядел. Тогда для его близких жизнь была бы куда легче. Особенно для меня.

– Вы не хотите вернуться домой и жить вместе с ним?

– Конечно хочу. Больше всего на свете. Но не хочу потерпеть фиаско. Бен никогда не принимал меня в расчет; боюсь, и теперь будет так же.

– Тогда почему вы едете?

– Ну… – Трудно было логически ясно объяснять это под спокойным взглядом серых глаз Роберта Морроу. Эмма взяла вилку и начала чертить что-то на белой камчатной скатерти. – Сама не знаю. У каждого человека должна быть семья. Своя семья. Если люди принадлежат друг другу, они должны жить вместе. Я хочу, чтобы у меня было что вспоминать… Пусть на

старости лет у меня будет возможность вспомнить, что однажды мы с отцом худо-бедно, но прожили вместе хотя бы несколько недель. Какие-то бредовые фантазии, да?

– Ничуть, но вас может постигнуть разочарование.

– О, что касается разочарований, их было предостаточно, когда я была маленькой девочкой. Без этой роскоши я могу обойтись. К тому же я планирую оставаться с отцом до тех пор, пока не станет до боли ясно, что мы и часу больше не можем находиться в обществе друг друга, и я не начну мучиться.

– Или, – мягко вставил Роберт, – до тех пор, пока он не предпочтет компанию кого-то другого.

Эмма резко вскинула голову, глаза блеснули гневной голубизной. Она вдруг преобразилась: вылитый отец в минуту ярости, когда он, давая кому-то отповедь, не выбирал слов. Но ее гнев не вызвал никакой ответной реакции у собеседника, и после холодной паузы она опустила глаза и снова стала выводить узоры на скатерти.

– Да, до тех пор, – только и сказала она.

Напряжение снял Марчелло, он принес херес и хотел принять заказ. Эмма выбрала дюжину устриц и жареного цыпленка; более консервативный Роберт – мясной бульон и бифштекс. Затем, воспользовавшись паузой, тактично сменил тему:

– Расскажите мне о Париже. Какой он сейчас?

– Мокрый. Мокрый, холодный, солнечный – все сразу, можете себе такое представить?

– Представляю.

– Вы знаете Париж?

– Бываю там по делам. Был в прошлом месяце.

– По делу?

– Нет, по пути из Австрии. Три недели катался на лыжах. Чудесное занятие.

– Где это было?

– В Обергургле.

– Вот почему вы такой загорелый. И почему вовсе не похожи на человека, торгующего картинами.

– Может, когда загар сойдет, стану похож и смогу запрашивать более высокую цену. Как долго вы пробыли в Париже?

– Два года. Буду по нему скучать. Париж прекрасен, а после того, как почистили стены зданий и домов, стал еще прекраснее. И в это время года в Париже тебя охватывает какое-то особое чувство. Зима на исходе, солнце скрывается лишь на день-другой, а это значит – снова приходит весна…

И распускаются почки, и кричат чайки, кружа над коричневой рябью Сены. И баржи, словно нанизанное на одну нитку ожерелье, скользят под мостами, и запах метро и чеснока, и сигарет «Голуаз». И Кристофер рядом.

И сразу стало просто необходимо поговорить о нем, произнести его имя, увериться, что он существует. Как бы между прочим, она спросила:

– А вы знали Эстер? Мою мачеху? Больше года она была моей мачехой.

– Я слышал о ней.

– А о Кристофере? О ее сыне? О Кристофере вы знаете? Мы с ним встретились в Париже по чистой случайности. Два дня тому назад. А сегодня утром он провожал меня в Ле-Бурже.

– Вы хотите сказать… просто столкнулись друг с другом?

– Именно так оно и было… в бакалейной лавочке. Такое могло случиться только в Париже.

– Что он там делает?

– О, просто проводит время. Отдыхал в Сен-Тропе, но в марте он возвращается в Англию, будет работать в каком-то репертуарном театре.

– Он актер?

– Да. Я вам не сказала?.. Знаете… Бену я ничего не стану о нем рассказывать. Бен никогда не любил Кристофера, и Кристофер отвечал ему взаимностью. По правде говоря, они, мне кажется, завидовали друг другу. Ну, были и другие причины, и у Бена с Эстер были не лучшие отношения. Не хочу начинать нашу жизнь со скандала по поводу Кристофера и ничего Бену не скажу. Во всяком случае, сразу.

– Понимаю.

Эмма вздохнула:

– У вас такое жесткое выражение лица. Наверное, вы думаете, я что-то скрываю…

– Ничего подобного я не думаю. А когда вы перестанете выводить узоры на скатерти, прибудут и ваши устрицы.

Когда они покончили с едой, выпили кофе и Роберт уплатил по счету, была уже половина второго. Они поднялись из-за стола, попрощались с Марчелло, Роберт забрал свой огромный зонт, и они вернулись в Галерею Бернстайна. Роберт попросил швейцара поймать такси для дамы.

– Я поехал бы с вами и посадил вас в вагон, – сказал Роберт Эмме, – но Пегги тоже должна выйти и подкрепиться.

– Я справлюсь.

Он провел ее в кабинет и открыл сейф.

– Двадцати фунтов будет достаточно?

Эмма и забыла, зачем она пришла в галерею.

– Что? О да, конечно. – Она полезла было в сумку за чековой книжкой, но Роберт остановил ее:

– Не беспокойтесь. У вашего отца тут есть что-то вроде личного счета. Когда он бывает в Лондоне, ему частенько не хватает какой-то небольшой суммы. Припишем ему и ваши двадцать фунтов.

– Вы уверены?..

– Конечно уверен. И еще, Эмма. Тот джентльмен, который одолжил вам фунт… Где-то у вас есть его адрес. Если вы найдете и дадите мне, я прослежу, чтобы этот фунт был ему отослан.

Эмма улыбнулась. Она произвела раскопки в своей сумке, наконец нашла визитную карточку, застрявшую между французским автобусным билетом и комплектом картонных спичек, засмеялась и, когда Роберт спросил, что ее так развеселило, простодушно сказала: «Однако как хорошо вы знаете моего отца!»

3

Дождь перестал к пяти часам – времени послеполуденного чая. Небо чуть поднялось, воздух посвежел. Странствующий солнечный луч даже пробился в галерею, и около половины шестого, когда Роберт, заперев дверь кабинета, вышел и влился в поток устремившихся к своим домам горожан, легкий ветерок разогнал облака и под ясным бледно-голубым небом засверкали городские огни.

Ужасно не хотелось спускаться в духоту метро, поэтому он дошел до Найтсбриджа, там сел на автобус и проехал остаток пути до дома.

Его дом на Милтон-Гарденс от шумной, запруженной машинами Кенсингтон-Хай-стрит был отгорожен лабиринтом маленьких улочек и площадей, на которых стояли миниатюрные ранневикторианские домики кремового цвета, с отполированными до блеска парадными дверями и с маленькими садиками, где летом цвели сирень и магнолии. Тротуары на улочках были широкие, няни спокойно катили по ним коляски с младенцами, и под строгим надзором местных псов шагали в свои дорогие школы хорошо одетые детишки. В сравнении с этими уютными улочками Милтон-Гарденс несколько проигрывала. Это был ряд больших и довольно обшарпанных домов, и номер двадцать три, в котором жил Роберт, центральный дом на этой улице, был самый непрезентабельный. Черная входная дверь, два чахлых лавровых деревца в кадках, латунный почтовый ящик, о котором заботилась Хелен, однако часто забывала его отполировать. Машины они припарковывали к поребрику: большой темно-зеленый «альвис»-купе Роберта и маленькую запыленную красную машину «мини» Хелен. У Маркуса машины не было – он все не мог выбрать время, чтобы научиться водить.

Роберт поднялся по ступенькам, извлек из кармана ключ и вошел в дом. Холл был большой, просторный, широкая с низкими ступенями лестница вела на второй этаж. За ней холл переходил в узкий коридор, упиравшийся в застекленную дверь, за которой зеленела трава и пышные, освещенные солнцем каштаны, – казалось, сделай еще несколько шагов и очутишься в деревне. Входная дверь со щелчком захлопнулась за Робертом.

Из кухни его окликнула Хелен:

– Роберт!

– Привет!

Он бросил шляпу на столик и пошел в комнату направо. Прежде эта комната, выходящая окнами на улицу, была семейной столовой, но, когда умер отец и к Роберту вселились Маркус с Хелен и Дэвидом, Хелен превратила ее в кухню-столовую с простым деревенским столом, с сосновым буфетом для посуды, который был уставлен цветным фарфором, и со стойкой, как в баре, за которой она кухарничала. И повсюду горшки со всевозможными комнатными цветами, высокими геранями, ароматическими травами, низкие круглые горшки с проросшими луковицами. По стене свисали с крючков вязки лука и плетеные корзины; на буфете – кулинарные книги, лотки, полные деревянных ложек; на полу – яркие коврики, на диване – красные подушки. Все тут радовало глаз.

За стойкой Хелен, в сине-белом фартуке, чистила грибы. Воздух был напоен восхитительными ароматами: свежей выпечки и лимона, растопленного сливочного масла и чеснока.

Хелен сказала:

– Маркус звонил из Эдинбурга. Он прилетает сегодня вечером. Ты знаешь?

– В какое время?

– Есть самолет в четверть шестого. Он попытается купить билет на него. В Лондоне будет в половине восьмого.

Роберт пододвинул высокий табурет и сел к стойке.

– Он хочет, чтобы его встретили в аэропорту?

– Нет, сказал, что приедет сам, на автобусе. Но я думаю, кто-то из нас должен его встретить. Ты сегодня ужинаешь дома или в городе?

– Такие дивные ароматы, что, пожалуй, поужинаю дома.

Хелен улыбнулась. Когда они вот так, через стойку, смотрели друг на друга, фамильное сходство становилось очень заметным. Хелен была крупная женщина, высокая, ширококостая, но стоило ей улыбнуться, и в лице появлялось что-то девичье, а глаза загорались веселыми огоньками. Волосы у нее были рыжеватые, как у Роберта, может, только сквозившая седина чуть смягчала цвет, и она их затягивала в узел, чтобы видны были ее неожиданно маленькие изящные ушки. Хелен очень гордилась своими ушами и всегда носила серьги. У нее их был полный ящик в туалетном столике, и о подарке для нее не надо было ломать голову, можно было просто купить ей пару сережек. Сегодня это были какие-то полудрагоценные зеленые камни, подвешенные на узких витых золотых цепочках, они отсвечивали зелеными искорками в ее неопределенного цвета крапчатых глазах.

Ей было сорок два, на шесть лет больше, чем Роберту, и она уже десять лет была замужем за Маркусом Бернстайном, а до замужества работала у него секретаршей, встречала посетителей, вела бухгалтерскую отчетность и время от времени, когда было туго с финансами, была и уборщицей, и в большой степени благодаря ее стараниям и вере в Маркуса его галерея не только выстояла в первые трудные годы, но даже расширилась и приобрела международную известность.

– Маркус не сказал тебе, как его успехи? – спросил Роберт.

– Почти ничего, не было времени. Но старый лорд Глен – я правильно его величаю? – оказался владельцем трех Ребёрнов, Констебля и Тёрнера. Так что вам есть над чем подумать.

– Он хочет их продать?

– Похоже, что да. Говорит, что при сегодняшних ценах на виски он не может позволить себе и дальше держать их на стене. Приедет Маркус – все узнаем. А как ты, чем сегодня занимался?

– Особенно ничем. Пришел американец по имени Лоуэлл Чики и выписал чек за полотно Бена Литтона…

– Это хорошо…

– И… – Роберт наблюдал за лицом сестры, – вернулась домой Эмма Литтон.

Хелен перестала резать грибы. Она мгновенно вскинула глаза, руки ее замерли.

– Эмма? Ты имеешь в виду дочь Бена?

– Сегодня прилетела из Парижа. Зашла в галерею, чтобы взять немного денег. На билет до Порткерриса.

– А Маркус знал, что она возвращается?

– Думаю, нет. Думаю, она никому, кроме отца, не написала.

– Ну а Бен, конечно, и словом не обмолвился! – Хелен возмущенно тряхнула головой. – Иногда его хочется просто высечь.

Роберт смотрел на нее с некоторым любопытством.

– И что бы ты сделала, если бы знала, что она приезжает?

– Ну, прежде всего встретила бы ее в аэропорту. Потом накормила бы. Да все, что угодно.

– Если тебя это утешит – накормил ее я.

– Вот это хорошо. – Хелен снова взялась за грибы. – Как она теперь выглядит?

– Привлекательна. Хотя несколько необычна.

– Необычна… – сухо повторила Хелен. – Сказать о ней «необычна» – это значит не сказать ничего нового для меня.

Роберт ухватил ломтик сырого гриба и съел его. Отведал.

– А кто была ее мать, ты знаешь?

– Конечно знаю. – Хелен отодвинула грибы от него подальше, пошла к плите, где стояло на маленьком огне масло, и ловко сбросила в него грибы. Раздалось легкое шипение, и по столовой поплыл восхитительный аромат. Она стояла, помешивая грибы деревянной лопаткой, а Роберт смотрел на ее твердо очерченный профиль.

– Кто она?

– О, маленькая студентка, художница, вдвое моложе Бена. Очень хорошенькая.

– Он на ней женился?

– Да, он на ней женился. Мне кажется, он по-своему любил ее. Но она была еще совсем ребенок.

– Она оставила его?

– Нет. Она умерла при родах. Родив Эмму.

– И потом, спустя какое-то время, он женился на некой Эстер.

Хелен бросила на него подозрительный взгляд:

– Откуда ты знаешь?

– Эмма рассказала сегодня за ланчем.

– Вот как. Я не рассказывала никому. Да, на Эстер Феррис. Несколько лет тому назад.

– У нее был мальчик. Сын. Кристофер.

– Только не говори, что он снова появился на сцене!

– Почему это тебя так пугает?

– Ты бы тоже испугался, если бы промучился те полтора года, что Бен Литтон был женат на Эстер…

– Ну тогда расскажи.

– Это был кошмар. И для Маркуса, и для Бена… думаю, и для Эстер тоже, и, конечно же, для меня. Если Маркуса не призывали быть судьей в каких-то пренеприятных семейных скандалах, его забрасывали дурацкими мелкими счетами, которые, по словам Эстер, Бен отказывался оплачивать. И ты знаешь его фобию насчет телефона, а Эстер поставила в дом телефон, и Бен выдрал его с корнем. Потом Бен впал в депрессию, совсем не мог работать и все время проводил в местном кабачке, и Эстер потребовала Маркуса, сказала, что он должен приехать и что он единственный, кто может что-то сделать с Беном, и тому подобное. Маркус старел прямо у меня на глазах. Можешь себе представить?

– Да… Но при чем тут мальчик?

– Мальчик был самым большим яблоком раздора. Бен терпеть его не мог.

– Эмма сказала, он ревновал.

– Она так сказала? Хоть и была совсем малышкой, а очень все чувствовала. Может, и правда в какой-то степени ревновал, но Кристофер был сущим дьяволенком. С виду просто ангелочек, но мать вконец его испортила. – Хелен сняла кастрюлю с горелки и вернулась к стойке. – И что Эмма говорила про Кристофера?

– Только про то, что они встретились в Париже.

– Что он там делает?

– Не знаю. Возможно, проводит отпуск. Он актер. Ты знала?

– Нет, не знала, но охотно этому поверю. Как тебе показалось, она в него влюблена?

– Пожалуй, что да. Только вот думает, что к ее отцу он никогда не поедет.

– Да уж, на этот счет ей лучше не питать никаких иллюзий.

– Я это понял. Но едва начал что-то говорить, как чуть было не лишился головы.

– И лишился бы. Они преданы друг другу, как два воришки из одной шайки. – Хелен похлопала брата по руке. – Не вмешивайся, Роберт. Я не вынесу напряжения.

– Я не вмешиваюсь, просто интересуюсь.

– Ради собственного спокойствия послушайся моего совета: держись в стороне. И уж поскольку мы заговорили о таких делах, звонила Джейн Маршалл и просила тебя отзвонить.

– Не знаешь, в чем дело?

– Она не сказала. Только сказала, что после шести она дома. Не забудешь?

– Не забуду. Но и ты не забудь, что никаких таких дел у меня с Джейн нет.

– Не понимаю, чего это ты артачишься? – сказала Хелен. Она и так-то не любила говорить обиняками, а уж с собственным братом и подавно. – Слушай, она обаятельная, привлекательная и очень деловая женщина.

Роберт никак на это высказывание не откликнулся, и Хелен, недовольная его молчанием и словно оправдываясь, продолжала:

– И у вас много общего – ваши интересы, друзья, образ жизни. К тому же мужчина твоего возраста должен быть женат. Нет более печального зрелища, чем престарелый холостяк.

Она остановилась. Наступила пауза.

– Ты закончила? – вежливо осведомился Роберт.

Хелен глубоко вздохнула. Безнадежно… Она знала, всегда знала: сколько ни говори, Роберта не убедишь сделать что-то, что он не намеревался сделать сам. Никогда в жизни его ни в чем нельзя было убедить. Напрасная трата слов; она уже пожалела о своем порыве.

– Ну да, конечно, закончила. Приношу извинения. Не мое это дело, и я не имею никакого права вмешиваться. Просто мне нравится Джейн, и я хочу тебе счастья. Не знаю, Роберт. Не могу понять, чего ты ищешь.

– Я и сам не могу понять, – сказал Роберт. Он улыбнулся и провел ладонью по голове, от лба к затылку – его обычный жест, когда он был смущен или устал. – Но, думаю, тут играете роль вы с Маркусом, ваши отношения.

– Ясно… Надеюсь, ты все-таки поймешь, прежде чем помрешь от старости.

Он оставил ее колдовать над кастрюлями, забрал вечернюю газету, пачку писем и шляпу и пошел наверх, к себе. Когда-то его гостиная с видом на большой сад и каштан была детской. Низкий потолок, ковер, стены заставлены книжными полками, мебель отцовская – все, что можно было втащить по лестнице. Бросив шляпу, газету и письма на стул, Роберт направился к старинному серванту, где он держал спиртные напитки, и налил себе виски с содовой. Потом взял сигарету из ящичка, что стоял на кофейном столике, прикурил и со стаканом в руке направился к письменному столу, сел и набрал номер Джейн Маршалл.

Она ответила не сразу. Он ждал, чертя что-то на промокашке. Взглянул на часы. Сейчас он примет ванну, переоденется и пойдет встречать Маркуса на аэровокзал на Кромвель-роуд. А к ужину захватит бутылку вина и вручит ее как ветвь мира Хелен; они выпьют за выскобленным добела столом и поговорят о делах. Сегодня он порядком устал, и перспектива мирного вечера в семейном кругу действовала успокаивающе.

Гудки в трубке кончились. Холодный голос произнес:

– Джейн Маршалл слушает.

Она всегда отвечала таким тоном, и Роберту каждый раз становилось не по себе, хотя он и знал, в чем тут дело. В двадцать шесть лет Джейн осталась одна, ее брак оказался неудачным, с мужем она развелась и вынуждена была зарабатывать на жизнь самостоятельно. Остановилась она на том, что стала дизайнером-декоратором квартир, а ее собственная квартира и служила ей офисом. Таким образом, телефон выполнял двойную функцию, и она давно уже решила проявлять осторожность и каждый раз отвечать официальным тоном, пока не станет ясно, что звонок не деловой. Роберту, когда он пожаловался на этот холодный тон, она все объяснила.

– Ты не понимаешь. Это может звонить клиент. Что он подумает, если я заговорю игривым сексуальным тоном?

– Не надо сексуальным. Просто дружеским и приятным. Почему бы не попробовать? Глядишь, и часа не пройдет, как ты уже будешь сдирать обои, вешать портреты и раскладывать на столе куверты.

– Ты так думаешь? Скорее, буду отбиваться от него портняжной иглой.

Сейчас он осторожно спросил:

– Джейн?..

– Ах, Роберт. – Голос ее сразу же потеплел, ясно было, что она рада его слышать. – Хелен передала, что я тебе звонила?

– И просила отзвонить.

– Ну да… Знаешь, мне тут преподнесли два билета на балет «Тщетная предосторожность». На пятницу. И я подумала, что, может быть, ты захочешь пойти. Если у тебя нет других планов…

Он смотрел на свою руку, которая продолжала рисовать коробочки на промокашке, одну за другой, и услышал голос Хелен: «У вас столько общего. Интересы, друзья, образ жизни».

– Роберт?

– Да. Прости. Нет, никаких планов. С удовольствием пойду.

– Сначала у меня поужинаем?

– Нет, поужинаем в ресторане. Я закажу столик.

– Отлично. – (Роберт был уверен, что она улыбается.) – Маркус еще не вернулся?

– Сейчас иду его встречать.

– Ему и Хелен от меня приветы.

– Передам.

– Так, значит, в пятницу увидимся. До свидания.

– До свидания, Джейн.

Он положил трубку, но не встал из-за стола, дорисовывая последнюю коробочку, а дорисовав, положил карандаш, взял стакан и, глядя на рисунки, подумал, что почему-то эти коробочки напоминают ему выставленные в ряд чемоданы.

Маркус Бернстайн прошел в стеклянные двери терминала – то ли беженец, то ли уличный музыкант. Впрочем, он всегда так выглядел: мешковатое пальто, поля старомодной черной шляпы спереди загнулись кверху. Его удлиненное лицо с проступившими морщинами было бледным от усталости. В руке он нес разбухший портфель, а дорожная сумка из самолета перекочевала в багажное отделение автобуса, и когда Роберт отыскал Маркуса, тот терпеливо стоял у конвейера, ожидая ее появления.

Скромный, озабоченный человек; случайный прохожий не поверил бы, что на самом деле этот человек – непререкаемый авторитет в мире искусства и известен по обе стороны океана. Австриец по происхождению, он оставил родную Вену в 1937 году и после всех ужасов войны ворвался в мир послевоенного изобразительного искусства, словно яркое пламя. Глубокое знание живописи, проницательность и вкус привлекли к нему внимание, а поддержка, которую он оказывал молодым художникам, послужила примером для других дилеров. Но настоящая известность и популярность среди широкой публики пришла к нему в 1949 году, когда он открыл собственную галерею на Кент-стрит и выставил абстрактные работы Бена Литтона. Бен тогда был уже знаменит своими довоенными пейзажами и портретами, а после войны стал работать в новой манере. Выставка 1949 года стала и началом их творческого содружества, которое, преодолев споры и разногласия, переросло в личную дружбу. Та выставка также обозначила завершение трудного начального периода в деятельности Маркуса. От нее пошел отсчет долгого и медленного пути к успеху…

– Маркус!

Он вздрогнул, повернулся и увидел направляющегося к нему Роберта. На лице Маркуса выразилось удивление; похоже, он и правда не ждал, что его встретят.

– Привет, Роберт. Как мило с твоей стороны.

Он уже тридцать лет прожил в Англии, но все еще говорил с явным акцентом. Впрочем, Роберт его не замечал.

– Я бы приехал в аэропорт, но мы не знали точно, на какой самолет ты попадешь. Летел хорошо?

– В Эдинбурге была зима.

– А у нас тут дождь с самого утра. Смотри, вот твоя сумка, – Роберт подхватил ее с движущейся ленты. – Пойдем…

В машине, дожидаясь у светофора на Кромвель-роуд, он рассказал Маркусу о мистере Лоуэлле Чики и об «Оленях». Маркус довольно хмыкнул, – судя по всему, он был уверен, что эта покупка лишь вопрос времени. Светофор сменил красный огонек на желтый, потом на зеленый, машина тронулась с места, и Роберт сказал:

– Сегодня утром прилетела из Парижа Эмма Литтон. Без единого стерлинга в кармане, так что заехала в галерею, чтобы обналичить чек. Я угостил ее ланчем, выдал двадцать фунтов и отправил на вокзал.

– Куда же она поехала?

– В Порткеррис. К Бену.

– Он сейчас там?

– Кажется, она считает, что должен быть там. Во всяком случае, надеется.

– Бедняжка, – сказал Маркус.

На это Роберт ничего не ответил, и они смолкли, каждый погрузившись в свои размышления. На Милтон-Гарденс Маркус выбрался из машины и поднялся на крыльцо, нащупывая в кармане ключ, но так и не успел его нащупать, потому что дверь открыла Хелен, и силуэт Маркуса в его мешковатом пальто и шляпе вырисовался теперь на фоне освещенного холла.

– С приездом! – радостно приветствовала она мужа и, поскольку он был намного ниже ее, наклонилась и обняла его, а Роберт, достав из багажника дорожную сумку Маркуса, подивился про себя, почему они никогда не выглядят смешно.

Казалось, что уже давно стемнело. Но когда лондонский экспресс прибыл на узловую станцию, где Эмме предстояла пересадка, она обнаружила, что вовсе и не темно. Небо светилось звездами, налетавший порывами ветер нес запах моря. Она стояла на платформе возле своего багажа, ожидая, когда отойдет экспресс, над головой у нее под неугомонным ветром жестко шуршали длинные листья пальмы.

Состав тронулся, и она увидела на противоположной платформе носильщика с тележкой, на которой лежали посылки. Заметив Эмму, он опустил ручки тележки и крикнул через путь:

– Вам помочь?

– Да, пожалуйста.

Он спрыгнул на рельсы, перешел на ее сторону, кое-как собрал в обе руки ее багаж, Эмма так же через рельсы последовала за ним, он подал ей руку, и она взобралась на другую платформу.

– Вам куда?

– В Порткеррис.

– Поедете поездом?

– Да.

Перед дальней платформой стоял поезд поменьше, он пойдет вдоль берега до Порткеррис. В вагоне Эмма была единственным пассажиром. Она заплатила носильщику, поблагодарила его и в полном изнеможении плюхнулась на сиденье. Казалось, этому дню не будет конца. Немного погодя в вагон села деревенская женщина в коричневой, похожей на горшок шляпе. Как видно, она ездила за покупками и поездка прошла успешно: ее кожаная клетчатая сумка была набита битком. Медленно тянулись минуты, и только ветер глухо стучал в закрытые окна вагона. Наконец раздался свисток локомотива, и они поехали.

За окнами вагона смутно маячили в темноте и проплывали мимо знакомые места. Эмма не могла сдержать волнение. До Порткерриса были всего лишь две маленькие остановки, но вот наконец и широкая просека, по весне усеянная примулами, за ней туннель, а по выезде из него внизу море, черное, как чернила, только что миновало время отлива, и мокрый песок казался гладким атласом. Порткеррис сиял огнями, над изогнутым берегом бухты словно повесили ожерелье, и плывущие огоньки рыбачьих лодок отсвечивали золотом в темной воде.

Поезд начал сбавлять ход. За окошком уже скользила платформа. Проплыло название «Порткеррис» и осталось позади. Вагон остановился напротив блестящего жестяного щита с рекламой крема для обуви – Эмма помнила этот щит с тех пор, как вообще стала что-то запоминать. Ее спутница, которая за всю поездку не произнесла ни слова, встала, открыла дверь, степенно вышла и скрылась в ночи. Эмма стояла в раскрытой двери, высматривая носильщика, но единственный железнодорожный служащий находился в другом конце поезда и неизвестно зачем объявлял: «Порткеррис! Порткеррис!» Она увидела, как он перестал переговариваться с машинистом, сдвинул кепку на затылок и подбоченился.

Возле рекламы сапожного крема стояла пустая тележка. Эмма сложила на нее вещи и, взяв в руку только маленький чемоданчик с самыми необходимыми вещами, пошла по платформе. В конторе начальника станции горел свет, на платформу ложились желтые пятна. На скамейке сидел какой-то человек и читал газету. Эмма, стуча подметками по каменным плитам платформы, прошла мимо, и тогда он положил газету и назвал ее имя. Эмма остановилась и медленно обернулась. Он свернул газету и встал. Под фонарем седые волосы окружали его голову словно нимбом.

– Я уж думал, ты не приедешь.

– Бен! Привет!

– Поезд опоздал или я перепутал время?

– Да нет, поезд не опоздал. Может быть, чуть задержался на разъезде. Как ты узнал, что я на нем приеду?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.